

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЮБИЛЕИ

К 190-ЛЕТИЮ Л.Н. ТОЛСТОГО

Е.А. Масолова¹

Новосибирский государственный технический университет

АНТРОПОНИМЫ В РОМАНЕ ТОЛСТОГО «ВОСКРЕСЕНИЕ»

В «Воскресении» Толстого антропонимы выполняют характеризующую и предведомительную функции. Высокопоставленные особы именуется по титулу и фамилии; представители судебной системы названы по фамилии, на первом месте указаны их звания и должности; у безнравственных персонажей неблагозвучные фамилии. Многие политические имеют «говорящие» антропонимы, становящиеся одним из способов дискредитации персонажей. У ряда политических положительная семантика антропонимов, но провозглашаемые этими людьми идеи неспасительны. Безымянные старик-раскольник и миссионер оказываются лжеучителями. Тарас, Федосья, свекр и свекровь – авторские праведники, мудрые и великодушные. Поэтонимы главных героев романа Толстого – апотропеические имена.

Ключевые слова: антропоним, оним, патроним, поэтоним, семантика имени, «говорящие» антропонимы, безымянные персонажи, характеризующая и предведомительная функции.

E.A. Masolova

Novosibirsk State Technical University

ANTHROPONYMS IN TOLSTOY'S NOVEL "RESURRECTION"

Anthroponyms in Tolstoy's "Resurrection" perform characterizing and prospective or foreshadowing functions. The senior officials are named by their titles followed by the surnames. The representatives of the judiciary are named by their surnames, their titles are listed in the first place. The immoral characters have discordant surnames. Tolstoy gives revolutionaries "suggestive" anthroponyms that

¹ Елена Александровна Масолова – кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии Новосибирского государственного технического университета (Новосибирск).

become one of the ways to discredit these people. Some revolutionaries' anthroponyms have positive semantics, while these people's ideas proclaim are not sustainable. The nameless old raskolnik and the missionary turn out to be false teachers. Taras, Fedosya, father-in-law and mother-in-law are the author's righteous, wise and generous people. The main characters' poetonyms are protective names.

Key words: anthroponym, onym, patronymic, poetonym, name semantics, "suggestive" anthroponyms, generic characters, characterizing and prospective functions.

Рассмотрение антропонимов в художественном тексте – важный аспект анализа поэтики произведения, выявляющий картину мира писателя. В художественном произведении автор-демиург дает персонажам поэтонимы исходя из собственных предпочтений. При выборе антропонимов, обусловленных развитием сюжета, писатель, воспроизводя ономастические нормы, сохраняет художественную правдоподобность повествования, усиливает экспрессию имени собственного за счет его аллюзивности, которая, будучи порожденной социально-психологическими и культурно-историческими факторами, углубляет образный и концептуальный планы произведения. Семантика имени персонажа, носящего имя святого / легендарного героя / исторического деятеля, может в определенной степени выполнять предведомительную (предсказывающую) функцию. Антропоним – единичное имя собственное или набор идентифицирующих человека имен со всеми возможными вариантами. В художественном тексте функцию антропонимов могут выполнять местоимения, название действующих лиц по национальности, местожительству, социальному положению и семейному статусу, чину мирянской святости и т.п. В отечественной художественной литературе использование автором тех или иных онимов (с различными эмоционально-экспрессивными суффиксами), патронимов, двухчастных поэтонимов (оним и патроним / оним и фамилия), трехчастных поэтонимов (оним, патроним и фамилия) отражает самооценку действующих лиц, их межличностные связи, имплицитно или эксплицитно выраженное отношение писателя к этим людям. Исторические лица, описанные в произведении, связаны со своими прототипами; способы их наименования обретают дополнительные смысловые оттенки. Соотнесение судьбы персонажа с жизнью его прототипа, выявление роли безымянных персонажей с их обобщенными характерами помогает глубже раскрыть картину мира художника. Вышесказанное свидетельствует об актуальности исследования художественной ономастики.

Антропонимы в творчестве Толстого исследователи изучают преимущественно на материале его романов. Б.М. Эйхенбаум считает фамилии действующих лиц в «Войне и мире» незначительными и неудачными, поскольку они лишены символизации и обобщения [Эйхенбаум, 2009, с. 58]. Е.Г. Ростова полагает, что в поэтониме *Наташа Ростова*, которая в эпилоге представлена идеальной матерью, важно значение оного в латинском языке (*natalia* – рождающая); в поэтониме *Николай Ростов* сконденсированы представления о Николае Угоднике; поэтоним *Андрей Болконский* указывает на мужественность князя Андрея [Ростова, 2012, с. 82]. С точки зрения Е.Ю. Полтавец, князь Андрей соотнесен с Апостолом Андреем, а Пьер Безухов – с Апостолом Симоном-Петром [Полтавец, 2015, с. 29-34].

В «Анне Карениной» выбор Толстым поэтонимов семантически значим. Сергей Львович Толстой, услышав от отца, что фамилия *Каренин* произведена от древнегреческого *κάρηνον*, что значит *голова*, назвал мужа Анны головным человеком, у которого рассудок преобладает над сердцем [Толстой С., 1939, с. 569]. Согласно Б.М. Эйхенбауму, фамилия *Вронский* звучит как сознательная стилизация писателя, подчеркивающего связь героя с литературными персонажами 1830-х гг. [Эйхенбаум, 2009, с. 656]. По версии М.С. Альтмана, в «Анне Карениной» Толстой использует прием наименования ряда персонажей посредством перемены букв в именах их прототипов [Альтман, 1966, с. 10]. В семантическом сопряжении патронимов Константина *Дмитриевича* Левина и Анны *Аркадьевны* Карениной содержится, с точки зрения Ж.Л. Сурковой, основа для становления идиллического плана романа Толстого [Суркова, 2003, с. 100]. Г.А. Ахметова полагает, что имя и отчество Анны намекают на ее изначальную духовность (*Анна* – др.-евр. *благодать*), которую героиня утратила вместе с именем [Ахметова, 2006, с. 87].

Рассматривая способы наименования в народных рассказах Толстого, А.М. Ранчин доказывает, что в «Хозяине и работнике» антропонимы семантизированы и наделены символической функцией [Ранчин, 2013, с. 46]. В рассказе «Франсуаза», считает Н.Н. Лаврова, оным заглавной героини при сочетании с существительным *сестра* придает ее антропониму концептуальный смысл [Лаврова, 2010, с. 584-586]. Изучая народные рассказы Толстого, мы пришли к выводу, что выбор антропонимической формулы называния персонажей предопределен их отношением к Евангелию; антропонимы почти всегда выполняют предвведомительную функцию и вселяют надежду на благополучный финал произведений; патроним играет большую

роль, чем оним; безымянные персонажи, чаще всего, отстоят от Бога [Масолова, 2017, с. 111-123].

Т.Н. Куркина, анализирувавшая художественную ономастику в «Хаджи-Мурате», отмечает, что в этой повести Толстой не употребляет слово *наши*; слово *русские* появляется лишь в прямой речи горцев или при пересказе автором их мыслей и чувств; в обращении к чеченцам и русским военным используются их звания [Куркина, 2011, с. 90-91].

Нам известна всего одна работа, посвященная антропонимам в «Воскресении». А.Г. Горнфельд вскрывает сатирический подтекст, заключенный в этимологии фамилии политической *Халтюпкина*. Как отмечает А.Г. Горнфельд, в русском праязыке было что-то, заставлявшее на грубое, наглое, неотесанное отзываться эмоциональным слогом *хал-*; сегмент *-тю-*, присутствующий в фамилии *Халтюпкина*, А.Г. Горнфельд трактует как суффикс, используемый при посрамлении кого-либо [Горнфельд, 1912, с. 259].

В настоящей работе мы обращаемся к антропонимам в романе Толстого «Воскресение». Научная новизна нашей работы состоит в том, что мы рассматриваем способы наименования персонажей, воссозданных в «Воскресении», выявляем семантику поэтонимов действующих лиц и причины «изменения» антропонима персонажа, определяем функцию антропонимов. В таком ключе антропонимы в этом романе Толстого не изучались.

В «Воскресении» амбициозные князья, графы, бароны превыше всего ценят свое положение на иерархической лестнице; при назывании таких персонажей указываются их титулы / чины, далее (намного реже) – антропонимы: *княгиня, княгиня-мать, сестра княгини, княгиня с сыном, княжна, графиня, барон; княгиня Елена Ивановна, княгиня Корчагина, княгиня Софья Васильевна, князь Корчагин, княжна Корчагина, графиня Пассек, графиня Чарская, графиня Катерина Ивановна, барон Кригсмут*. Имя сенатора Вольфа встречается в романе Толстого 31 раз, при этом лишь единожды он назван по трехчастному поэтониму, что звучит как издевательская насмешка над этим самовлюбленным карьеристом: «Владимир Васильевич Вольф был действительно un homme très comme il faut, и это свое свойство ставил выше всего, с высоты его смотрел на всех других людей и не мог не ценить высоко этого свойства, потому что благодаря только ему он сделал блестящую карьеру, ту самую, какую, желал, т. е. посредством женитьбы приобрел состояние, дающее 18 тысяч дохода, и своими трудами – место сенатора» [Толстой, 1936а, т. 32, с. 257]. Представители судебной системы лишены онимов и

патронимов, на первое место выдвинуты их звания и должности: обер-прокурор Священного Синода *Топоров*, «человек тупой и лишенный нравственного чувства» [Толстой, 1936а, т. 32, с. 296], флигель-адъютант *Богатырев*, товарищ обер-прокурора *Селенин*¹, адвокат *Фанарин*². Кичащиеся своей знатностью чиновники потешаются над Воробьевым, чей дед, камер-лакей, получил от Павла титул барон, и называют Воробьева большим пройдохой, будучи сами не меньшими пройдохами. У замужней великосветской куртизанки Mariette (ни разу не названной православным именем) более чем отталкивающая фамилия с прозрачным смыслом – *Червянская*.

Прежде чем анализировать антропонимы политических в «Воскресении», рассмотрим отношение Толстого к революции и революционерам. О своем резком неприятии революции и революционеров Толстой неоднократно говорит в статьях. Поведение революционеров Толстой расценивает как ответную реакцию на террор правительства. У революционеров и правительства, пишет Толстой, одинаковые заблуждения и формы насилия, приводящие к смерти; совершаемые революционерами подкопы, убийства, грабежи ужасны, глупы, при этом революционеры-атеисты не так холодно-систематически жестоки, как власть имущие: революционеры не покоряют чужие народности, убивают для воображаемого блага многих, в то время как власть предержажшие, на словах защищая христианство, уничтожают людей ради самосохранения³. Толстой обвиняет революционеров в мстительности, зависти, тщеславии, надежде улучшить свое положение за счет изменения существующего строя. Революционеры, пишет Толстой, бранятся, клеветают друг на друга, грабят, возбуждают в народе ненависть и тягу к злодеяниям, разжигают братоубийственную бойню, не осознают последствий своих

¹ Фамилия *Селенин* происходит от др.-греч. *σελήνη* – *Луна*; селен – токсичный химический элемент, аналог серы; Селенин высказался за отказ пересмотреть приговор Масловой.

² Фанарин, присутствовавший при вынесении Масловой неоправданно жестокого приговора, халатно относился к службе, в результате чего невиновный человек был отправлен на каторгу. По всей видимости, фамилия *Фанарин*, написание которой противоречит правилам русского языка, связана со словосочетанием *от фонаря* (разг.), что значит *необоснованно, вне какой-либо логики*; безграмотное написание фамилии Фанарин имплицитно отражает бездумное отношение многих персонажей к своим профессиональным обязанностям.

³ См. об этом: [Толстой, 1956, т. 37, с. 91-92].

действий, ничего не стыдятся, мнят себя героями, будучи в разы преступнее разбойников, убивающих ради ограбления¹. Тех, кто попал под влияние революционеров, Толстой называет безнравственными, малоумными и рабски подчиняющимися гипнозу, а борьбу революционеров – аморальным делом, отвлекающим людей от нравственного совершенствования. Революционеры, заявляет Толстой, не имеют права считать себя борцами за народ и представителями народа²; зло не устранить политическими реформами и революцией; Толстой призывает не бороться с властью и не участвовать в революционных разгромах, а освободиться от правительства и продолжать земледельческую жизнь, исполняя закон Бога, живущий в человеке³.

В «Воскресении» революционеры названы *политическими* (по аналогии с *уголовными*); это субстантивированное прилагательное приобретает негативный смысл: политические – те, кто насильственно, обреченными на провал способами, хочет изменить жизнь и не брезгует никакими средствами при достижении своей цели. Толстой дает политическим «говорящие» антропонимы, которые выступают в характеризующей и предведомительной функциях и являются одним из способов дискредитации жизненной позиции этих персонажей.

Помогая Масловой в тюрьме, Нехлюдов был вынужден общаться с политическими. Толстой обращается к стратегии портретной живописи и создает безжалостно-ироничный антиэстетичный портрет Веры Ефремовны Богодуховской: у нее худое желтое некрасивое лицо, испуганный голос, желтая жилистая шея, выступающая из смятых грязных воротничков. Вера Ефремовна, руководствуясь ложным самопожертвованием, говорила решительно, а глядела испуганно и раздражала Нехлюдова экзальтированностью, взвинченностью, вертлявостью. Пытаясь уверить себя и окружающих, что у нее все прекрасно, Богодуховская улыбалась жалостной улыбкой. Слова *жалкая* и *жалостная* – частотные при описании Веры Ефремовны. Ее трехчастный поэтоним многообещающий⁴, но является

¹ См. об этом: [Толстой, 1936с, т. 36, с. 525].

² См. об этом: [Толстой, 1936d, т. 36, с. 159].

³ См. об этом: [Толстой, 1936b, т. 36, с. 263].

⁴ *Вера* – калька с др.-греч. *Πιστις* – означает *служение Богу* и предполагает уверенность в себе, в правоте своего дела; оним *Ефрем*, от которого образован патроним этого персонажа, переводится как *плодовитый*,

тройной травестией: Вера Ефремовна Богодуховская пришла к осознанию своей беспомощности и невестребованности. Толстой начинает называть Богодуховскую по имени-отчеству. При описании внутренней несостоятельности этого персонажа в 7 подряд идущих предложениях 10 раз используется местоимение *она* в именительном и косвенных падежах [Толстой, 1936а, т. 32, с. 183-184]: Толстой снижает этот образ, подчеркивая, что таких растерянных людей, у которых в голове полная путаница, много среди политических.

Фамилия *Петлин* несет семантику смерти. Приговоренный к каторге Петлин сообщил о самоубийстве Неверова в сумасшедшем доме. У фамилии *Неверов* прозрачный смысл: не верящий в Бога совершает смертный грех. Казненные *Розовский* и *Лозинский* имеют своих прототипов¹. Гибель этих персонажей – одно из доказательств пагубности пути политических и безнравственности террора.

Среди политических были и те, кто начал заниматься революционной деятельностью, следуя моде или желая устроить личную жизнь; значение антропонимов этих персонажей содержит негативную коннотацию, порой завалуированную. Хорошенькая улыбающаяся Грабец, вовлеченная в политику под влиянием времени, мало думала, была равнодушна к вопросам революции и стремилась добиться успеха у мужчин. Иронично относясь к Грабец, автор лишает ее онима. Эмилия Ранцева сделала революционеркой потому, что, полюбив мужа-революционера, стала смотреть на жизнь его глазами, при этом у *Эмили*² были сложные любовные отношения с Набатовым. Есть несколько версий этимологии фамилий *Грабец* и *Ранцева*³; антропонимы *Грабец* и *Эмилия Ранцева* «блокируют» духовный рост этих персонажей и вызывают скептическое отношение читателя.

жизнеспособный (др.-евр.); фамилия *Богодуховская* несет мощный религиозный потенциал.

¹ Розовский И. И. (1859–1880), Лозинский М. П. (?–1880) – революционеры-народовольцы, повешенные в Киеве в 1880 г.

² *Эмилия* означает *старательная, крепкая, сильная* (лат.); по другой версии, – *соперница*.

³ Фамилия *Грабец* 1) образована от *граб* (слав.), дерева семейства березовых, и отражает место жительства: в грабовом лесу; 2) указывает на профессию человека, изготавливавшего из граба мебель, лодки и т.п.; 3) происходит от *graba* (польск.), что переводится как *рука, пятерня*; такое прозвище мог получить обладатель больших, сильных рук; 4) означает *ловкий, хваткий* (литовск.); вероятно, родоначальник этой фамилии был расторопным человеком.

Семантика антропонимов политических, к которым Толстой испытывает резкую неприязнь, негативна. *Карманов*¹, желая, как и многие политические, уцелеть за счет других, обманул осужденного, поменялся с ним местами и отправил ссыльного на каторгу. Политический Маркел Кондратьев – человек с ущемленным самолюбием, озлобленный на весь мир; тяга Маркела к знаниям – показатель его амбициозности. Он ни разу не пожалел убитого во время стачки директора фабрики. Перенеся свое неприятие общества на религию, Маркел с восторгом искоренил в себе веру в Бога и начал хулить религию. Такое отношение к жизни аннулировало нравственное развитие Маркела и его попытки борьбы со злом. Двухчастный поэтоним – *Маркел Кондратьев*² – соответствует характеру этого персонажа; воинственное значение его онима усиливается агрессивной семантикой фамилии.

Толстой подробно рисует *Новодворова*, самого высокомерного и жестокого политического, который считал правым только себя, всех ненавидел, презирал и унижал, мечтал захватить власть и заставить принять его программу. Считая нормальным явлением растущую классовую ненависть, он мнил себя мессией и говорил трещащим голосом, что несет добро тем, кто этого не заслуживает. Народ для Новодворова – звери, от которых бесполезно ждать чего-либо хорошего. Нехлюдову претила вынашиваемая Новодворовым идея братоубийственной резни; Нехлюдов считал его циником, который отказался от былых взглядов, дабы остаться лидером. Новодворов ратовал за свободную любовь и многоженство; его отношение к людям сопоставляется с агрессивным отношением старых самцов-обезьян к молодым особям. Деликатнейшая Марья Павловна осудила его отношения с Любочкой. Когда Новодворов стал ругать самоубийцу и хвалить себя, все отказались с ним общаться³. Новодворов лишен онима; значение его фамилии прозрачно⁴; провозглашаемые им идеи

¹ Фамилия *Карманов* аллюзивна и связана с фразеологизмом *держи карман шире*, значение которого – *ничего не получишь, и не надейся*.

² *Маркел* (лат.) – *посвященный богу войны Марсу, воинственный*. Патроним *Кондрат*, от которого образована фамилия *Кондратьев*, означает *воин с копьем* (др.-греч.).

³ В произведениях Толстого тот, кого лишают общения, становится изгоем в глазах окружающих и не может быть правым.

⁴ Значение фамилии *Новодворов* – *человек с радикально иным отношением к жизни, провозглашающий ультрасовременные концепции*.

агрессивны, аморальны, грозят превратить страну в бойню. Толстому претит название Новодорова по фамилии: давая развернутую характеристику этому персонажу, автор лишь 4 раза называет его по фамилии и 38 раз использует местоимение *он* [Толстой, 1936а, т. 32, с. 401-402].

Среди политических были и те, кто искренне считал себя обязанными бороться со злом. Марья Павловна Щетинина, дочь генерала, стала революционеркой, потому что любила жизнь простых людей. Она с 19 лет работала на фабрике и была приговорена к каторге за то, что взяла на себя выстрел, произведенный другим революционером. Эта девушка осуждала споры политических, раздавала личные вещи, не обращала внимания на свою наружность, пресекала приставания мужчин, видела в другом человеке хорошее, с уважением относилась к людям и бескорыстно всем помогала, первой встала на защиту избитого ссыльного, заботилась о его малолетней дочери, ухаживала за смертельно больным Крыльцовым. Трехчастный поэтом *Марья Павловна Щетинина*¹ достаточно нейтрален. Одна из «говорящих» фамилий у *Набатова* – подвижника, просветителя крестьян, веселого, бодрого, общинного человека. Тюрьмы и ссылки не озлобили его. Поведение *Набатова* соответствует значению его фамилии. Он «взывает» к другим, равнодушен к чужому страданию, решает практические вопросы улучшения жизни: на воле делает все для просвещения и сплочения народа, в тюрьме создает лучшие условия для единомышленников, хочет плавного изменения жизни и народ «чтобы не обижали» [Толстой, 1936а, т. 32, с. 399]. При всей размытости и нечеткости формулировок его идеи понятны Масловой и Крыльцову. Владимир Иванович Симонсон, сын чиновника, деревенский учитель, – своеобразное продолжение Нехлюдова в ранней юности. Пантеистическое учение Симонсона ставило целью нравственное изменение общества на основах взаимоуважения. Он выступал против войны, убийств, решал сугубо практические задачи по улучшению материальной стороны жизни. Полюбив Маслову без ощущения своей жертвенности и желая помочь ей, Симонсон предложил Катюше выйти за него замуж. У поэтомима *Владимир*

¹ Оним этого персонажа соотносится с именем Богоматери, патроним – с именем апостола Павла; фамилия *Щетинина* вносит определенный «диссонанс».

*Симонсон*¹ положительная семантика; фамилия этого персонажа «усиливает» значение его онима: Владимир Симонсон «внимает» униженным, помогая им преодолевать жизненные невзгоды. Набатов и Симонсон не ставили цель нести Слово Божие в мир, а потому Нехлюдов отверг их программу.

Не назван по имени *старик-раскольник*, который исповедовал собственную религию, заявляя, что надо не молиться Богу, а верить себе, за что ямщик назвал его нехристом и дырником. Демонстративная обособленность старика вызвала у мужиков иронию², и они перестали разговаривать с раскольником. Встретив потом старика в тюрьме, Нехлюдов был неприятно поражен, когда тот огульно обличал всех за отказ бороться с Антихристом. Этот старик – лжеучитель, лжепророк, категоричный и озлобленный. Нехлюдов не принял его взглядов и стал напряженнее размышлять о жизни. Безумным персонажем является и *английский миссионер*, 50 раз именуемый *англичанин*. Не зная языка народа, для которого проповедовал, англичанин не помогал арестантам и комментировал увиденные в тюрьме страдания репликой «All right».

В «Воскресении» правда не за политическими, а за теми, кто живет по заповедям Бога. Беззлобная *старушка-арестантка* истово молилась Богу, но ее религиозность не обратила заключенных на путь истинный, и они продолжали сквернословить, пьянствовать, драться. Толстой дает старушке фамилию *Меньшова*: таких, как она, нет среди ее сокамерниц. Сюжетная линия Федосьи Бирюковой и родителей ее мужа оказала свое влияние на воскресение Нехлюдова. Шестнадцатилетняя Феничка была осуждена за попытку отравить мужа; Тарас взял ее на поруки, жена помирилась с мужем. Тарас и его родители старались на суде оправдать ее. *Свекр* и *свекровь*, полюбившая Федосью, – безумные персонажи, мудрые, великодушные, милосердные и беззлобные. *Федосья*³ всегда заботилась о Катюше и жалела ее. *Тарас*⁴, отправившийся за женой в Сибирь, носит имя патриарха Тарасия⁵. Называя персонажей Тарасом

¹ *Владимир* (слав.) – *властелин мира*; *Симонсон* (др.-евр.) – *внимающий*.

² В художественном мире Толстого суд народа – всегда праведный суд.

³ *Федосья* переводится как *данная Богом* (др.-греч.).

⁴ *Тарас* – русская форма др.-греч. *Тарасиос*, что означает *мятежник*, *беспокойный*.

⁵ Тарасий, царский сановник, в IX в. за благочестие и преданность

и Федосей, Толстой акцентировал их праведность, способность прощать, самопожертвование. История Федосьи-раскаившейся грешницы – притчеобразное вкрапление в роман, «предвещающее», что Нехлюдов будет прощен Масловой.

Катюша – дочь незамужней дворовой женщины, которая, рожая каждый год, обрекала на голодную смерть ненужного ей ребенка. Тетка Нехлюдова, увидев в скотной роженицу, позаботилась о новорожденной, и та осталась жива. Старые барышни называли девочку *спасенной*. При крещении ей дали имя *Катерина*¹, а отчество – по крестному: *Михайловна*²; двухчастный поэтоним этой героини получает религиозно-философское осмысление: *чистая, равная Богу*. Катюша была чистой, пока не решила выместить миру свою обиду. При этапировании на каторгу она отказалась от имени *Любка*, которым назвалась в публичном доме. На каторге Маслова проверила в людей и добро и вновь стала Катюшей, вернувшись к своему исконно чистому я. Слушая споры политических, Катюша сказала, что очень обижен простой народ, и Набатов ее поддержал: «Верно, Михайловна, верно» [Толстой, 1936а, т. 32, с. 399]. Обращение Набатова к Катюше по отчеству – признание правоты ее слов. Эта героиня дважды спасена: от физической смерти в младенчестве и от духовной гибели после предательства Нехлюдова. В конце романа имя главной героини появляется в новом контексте: молодая мать показывает Нехлюдову свою спящую двухлетнюю *Катю*; возможно, этот ребенок, окруженный заботой и лаской родителей, сохранит и приумножит чистоту и доброту на земле.

Самый «говорящий» антропоним в романе – Дмитрий Иванович Нехлюдов. Поэтоним Дмитрий Нехлюдов неоднократно встречается в творчестве Толстого³. Причина приверженности

православию избранный патриархом Константинопольским, помогал бедным, строил монастыри и больницы.

¹ *Катерина* – *вечно чистая* (др.-греч.).

² *Михаил*, от которого образован патроним героини, переводится как *подобный Богу, равный Богу* (др.-евр.).

³ Дмитрий Нехлюдов – герой в «Отрочестве», «Юности», «Утре помещика», «Люцерне»; при работе над «Казачками» Толстой хотел назвать главного героя Нехлюдовым. Этих во многом автобиографичных героев Толстого объединяет напряженная духовная жизнь и поиск гармонии. В первом наброске к «Воскресению» (1889) герой назван *Валерьяном Юшкиным*,

Толстого к фамилии Нехлюдов нам видится в следующем. Фамилия *Нехлюдов* произошла от нехристианского патронима, образованного от онима *Неклюд*¹, апотропеического (защитного) имени, отводящего беду². Нейтральный, на первый взгляд, трехчастный поэтоним *Дмитрий Иванович Нехлюдов*³ семантически значим, выступает как оберег, «предсказывает» судьбу главного героя, восходящего к постижению Слова Божьего.

Таким образом, в «Воскресении» при назывании князей, графов, баронов, представителей судебной системы акцент ставится на указание их титулов и чинов. У персонажей, играющих значительную роль в раскрытии замысла романа, антропонимические формулы называния, будучи, на первый взгляд, нейтральными, являются «говорящими» и выполняют характеризующую и предупредительную функции. Антропонимы политических служак, как правило, одним из способов их дискредитации. Поэтонимы духовно растущих персонажей «защищают» людей, помогают им преодолевать искушения судьбы. Безымянные простонародные персонажи во многом воплощают представление Толстого о должной жизни, изолированной от преступного социума.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Альтман, М. С. Читая Толстого / М.С. Альтман. – Тула: Приокское книжное изд-во, 1966. – 168 с.

во втором наброске (1896) – *Аркадием Нехлюдовым*; имя *Дмитрий Нехлюдов* появляется в первой законченной редакции «Воскресения» (1898–1899).

¹ *Неклюд* (фонетический вариант – *Нехлюд*), распространенный в XV–XVII вв. оним, означавший *неуклюжий, нескладный, некрасивый, невзрачный*, в отличие от *клюдь*, семантика которого – *порядок, красота* (слав.).

² На Руси имена *Захвораи, Злоба, Забота, Кривой, Кручина* и т. п. давались для предотвращения зла: люди надеялись, что горе, названное именем, минует его носителя. Для апотропеических имен характерны приставки *без- // бес- и не-*, включающие «предупредительное» отрицание добрых качеств: *Бессон, Некрас, Неустрой, Нелоб, Немир, Ненаш, Нехлюд*. Желая иметь красивого здорового сына, родители называли его *Нехлюд*.

³ Значение онима *Дмитрий* (др.-греч.) – *посвященный богине земли и плодородия Деметре*. Патроним *Иванович* образован от *Иван* (формы онима *Иоани*), значение которого – *Бог милует* (др.-евр.).

Ахметова, А. Г. Мифологический лейтмотив в романе Льва Толстого «Анна Каренина» // А.Г. Ахметова // Фольклор народов России. – Уфа, 2006. – С. 83-94.

Горнфельд, А. Г. О русских писателях. Т. 1. / А.Г. Горнфельд. – Санкт-Петербург: Просвещение, 1912. – 292 с.

Куркина, Т. Н. Историсофия Льва Толстого / Т.Н. Куркина. – Воронеж: Наука-Юнипресс, 2011. – 147 с.

Лаврова, Н. Н. Антропонимы в рассказе «Франсуаза» и в пьесе «Живой труп» Л. Н. Толстого / Н.Н. Лаврова // Вестник Нижегородск. ун-та им. Н. И. Лобачевского. – 2010. – № 4 (2). – С. 584-586.

Масолова, Е. А. Антропонимы и евангельский текст в рассказах Л.Н. Толстого «Чем люди живы», «Где любовь, там и Бог», «Много ли человеку земли нужно» / Е.А. Масолова // Проблемы исторической поэтики. – Петрозаводск, 2017. – Т. 15. – № 3. – С. 127-144.

Полтавец, Е. Ю. Мифопоэтика «Войны и мира» Л. Н. Толстого / Е.Ю. Полтавец. – Москва: Ленанд, 2015. – 224 с.

Ранчин, А. М. Перекличка Камен: Филологические этюды / А.М. Ранчин // – Москва: Новое литературное обозрение, 2013. – 656 с.

Ростова, Е. Г. Символика имен собственных в романе Л. Н. Толстого «Война и мир» / Е.Г. Ростова // Русский язык за рубежом. – 2012. – № 5. – С. 79-83.

Суркова, Ж. Л. Идиллические мотивы в романе Л. Н. Толстого «Анна Каренина» / Ж.Л. Суркова // Иностранные языки: теория и практика. Литературоведение. – Иваново, 2003. – С. 99-105.

Толстой, Л. Н. Воскресение / Л.Н. Толстой / Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. Т. 32. «Воскресение». – Москва: Художественная литература, 1936а. – 543 с.

Толстой, Л. Н. Конец века / Л.Н. Толстой / Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. Т. 36. Произведения 1904–1906 гг. – Москва: Художественная литература, 1936б. – С. 231-277.

Толстой, Л. Н. Не могу молчать / Л.Н.Толстой / Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. Т. 37. Произведения 1906–1910 гг. – Москва, Художественная литература, 1956. – С. 84-96.

Толстой, Л. Н. О значении русской революции / Л.Н. Толстой / Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. Т. 36. Произведения 1904–1906 гг. – Москва: Художественная литература, 1936с. – С. 509-538.

Толстой, Л. Н. Об общественном положении в России / Л.Н. Толстой / Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. Т. 36. Произведения 1904–1906 гг. – Москва: Художественная литература, 1936d. – С. 156-165.

Толстой, С. Л. Об отражении жизни в «Анне Карениной» / С.Л. Толстой / Литературное наследство. – Москва, 1939. – Т. 37/38. – Кн. II. – С. 566-590.

Эйхенбаум, Б. М. Лев Толстой: исследования. Статьи / Б.М. Эйхенбаум. – Санкт-Петербург: Факультет филологии и искусства СПбГУ, 2009. – 952 с.

REFERENCES:

Akhmetova, A. G. Mifologicheskij lejtmotiv v romane L'va Tolstogo «Anna Karenina» / A.G. Akhmetova // Fol'klor narodov Rossii. – Ufa, 2006. – S. 83-94.

Al'tman, M. S. Chitaya Tolstogo / M.S. Al'tman. – Tula, Priokskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1966. – 168 s.

Eykhenbaum, B. M. Lev Tolstoj: issledovaniya. Stat'I / B.M. Eykhenbaum. – Sankt-Peterburg: Fakul'tet filologii i iskusstva SPbGU, 2009. – 952 s.

Gornfel'd, A. G. O russkikh pisatelyakh / A.G. Gornfel'd. – Sankt-Peterburg, 1912. – Т. 1. – 292 s.

Kurkina, T. N. Istoriosofiya L'va Tolstogo / T.N. Kurkina. – Voronezh: Nauka-Yunipress, 2011. – 147 s.

Lavrova, N. N. Antroponimy v rasskaze «Fransuaza» i v p'ese «Zhivoj trup» L. N. Tolstogo / N.N. Lavrova // Vestnik Nizhegorodskogo Universiteta imeni N.I. Lobachevskogo. – Nizhny Novgorod, 2010. – № 4 (2). – S. 584-586.

Masolova, E. A. Antroponimy i evangel'skij tekst v rasskazah L. N. Tolstogo «Chem ljudi zhivy», «Gde ljubov', tam i Bog», «Mnogo li cheloveku zemli nuzhno» / E.A. Masolova // Problemyi istoricheskoy poetiki. – Petrozavodsk, 2017. Т. 15. – № 3. – S. 127-144.

Poltavets, E. Yu. Mifopoetika «Voyny i mira» L.N. Tolstogo / E.Yu. Poltavets. – Moscow: Lenand, 2015. – 224 s.

Ranchin, A. M. Pereklichka Kamen: Filologicheskie etyudy / A.M. Ranchin. – Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie, 2013. – 656 s.

Rostova, E. G. Simvolika imen sobstvennyh v romane L. N. Tolstogo «Vojna i mir» / E.G. Rostova // Russkiy yazyk za rubezhom. – Moscow, 2012. – № 5. – S. 79-83.

Surkova, Zh. L. Idillicheskie motivy v romane L. N. Tolstogo «Anna Karenina» / Zh.L. Surkova // Inostrannye yazyki: teoriya i praktika. Literaturovedenie. – Ivanovo, 2003. – S. 99-105.

Tolstoj, L. N. Voskresenie / L.N. Tolstoj // Tolstoj L.N. Polnoe sobranie sochinenij: v 90 t. T. 32. «Voskresenie». – Moskva: Hudozhestvennaya literatura, 1936a. – 543 s.

Tolstoj, L. N. Konec veka / L.N. Tolstoj // Tolstoj L.N. Poln. sobr. soch.: v 90 t. T. 36. Proizvedeniya 1904–1906 gg. – Moskva: Hudozhestvennaya literatura, 1936b. – S. 231-277.

Tolstoj, L. N. Ne mogu molchat' / L.N. Tolstoj // Tolstoj L.N. Poln. sobr. soch.: v 90 t. T. 37. Proizvedeniya 1906–1910 gg. – Moskva, Hudozhestvennaya literatura, 1956. – S. 84-96.

Tolstoj, L. N. O znachenii russkoj revolyucii / L.N. Tolstoj // Tolstoj L.N. Poln. sobr. soch.: v 90 t. T. 36. Proizvedeniya 1904–1906 gg. – Moskva: Hudozhestvennaya literatura, 1936c. – S. 509-538.

Tolstoj, L. N. Ob obshchestvennom polozhenii v Rossii / L.N. Tolstoj // Tolstoj L.N. Poln. sobr. soch.: v 90 t. T. 36. Proizvedeniya 1904–1906 gg. – Moskva: Hudozhestvennaya literatura, 1936d. – S. 156-165.

Tolstoj, S. L. Ob otrazhenii zhizni v «Anne Kareninoj» / L.N. Tolstoj // Literaturnoe nasledstvo. – Moskva, 1939. T. 37/38. Kn. II. – S. 566-590.